

Памяти замечательного человека

■ Приведённые ниже материалы являются отрывками воспоминаний Ю.А. Мозжорина, опубликованных в томах «Так это было...».

(Окончание. Начало в «КП» №51 от 15 мая 2018 г.)

Ю.А. Мозжорин. Спор века (в тексте нами выделены жирным особо важные позиции. — Б.Б.)

«...Вспоминаю некоторые «пророческие» высказывания моих знакомых, ставшие мне известными при моём назначении директором института: «Он попал в банку с науками. И его скоро сожрут!» Не только «не сожрали», но и прекрасно помогли мне и прекрасно работали!

Одним из серьёзнейших, втянувших в свою орбиту не только главных конструкторов, но и крупных государственных руководителей, министров и Министерство обороны, был так называемый спор века («малая гражданская война»). В нём ЦНИИмаш в продолжительной дискуссии по широкому кругу вопросов, используя весь арсенал идеологических разработок, хоть и сумел отстоять свою точку зрения, но оставил на зубах оппонентов много «шерсти и мяса». Об этом споре стоит рассказать более подробно, так как он касается вопросов формирования государственной оборонной доктрины и путей развития стратегического вооружения.

Всё началось с малого. В первой половине 60-х годов были хорошо отработаны межконтинентальные стратегические ракеты второго поколения тяжёлого класса Р-36 и лёгкого класса УР-100, установленные в защищённые шахтные устройства. В то время по численности МБР мы несколько отставали от США, которые сумели развернуть 1000 лёгких ракет «Минитмен» и 54 тяжёлых «Титан-2»... В течение трёх-четырёх лет было не только восстановлено численное равенство с США в межконтинентальных ракетных комплексах наземного базирования, но и намечилось определённое превосходство в их количестве.

США начали разработку принципиально новой межконтинентальной ракеты «Минитмен-3», несущей не одну, а целых три боевые головки с индивидуальным их наведением с высокой точностью на различные цели.

[...] Поэтому НИИ-88 вышел в Министерство общего машиностроения с серьёзным предложением о повышении степени защищённости уже построенных шахтных стартовых комплексов для ракет Р-36 и УР-100 с тем, чтобы сделать их малоуязвимыми для нового развивающегося класса американских ракет типа «Минитмен-3». Чтобы сбалансировать с США наступательный потенциал. Рекомендовалось ввести в нашу ракетную группировку и подвижные ракетные комплексы наземного базирования, грунтовые или железнодорожные с целью повы-

шения неуязвимости ракетных вооружений стратегического назначения, в том числе и при повышении точности стрельбы ракет потенциального противника.

[...] Предложение института имело сильную поддержку главного конструктора М.К. Янгеля и было встречено в штыки его конкурентом — главным конструктором В.Н. Челомеем. [...] Челомей предлагал тогда в качестве нового поколения малых межконтинентальных ракет свою ракету УР-100К. Министр общего машиностроения Сергей Александрович Афанасьев, чувствуя влияние Владимира Николаевича на министра обороны, решил рассмотреть предложения НИИ-88 (в 1967 году он становится Центральным НИИ машиностроения) на научно-техническом совете ЦКБМ у Челомея в Реутове. В своём выступлении Владимир Николаевич подробно и красочно обосновал своё предложение о создании малой межконтинентальной ракеты нового поколения УР-100К (которая должна пойти на смену УР-100 в построенные шахтные стартовые установки), о её высокой боевой эффективности при малых затратах на разработку. [...] Что касается применения на ней РГЧ ИН, то Владимир Николаевич высказался по этому поводу на НТС так:

— Разделяющаяся головная часть — дань моде. Тут надо ещё посмотреть.

По вопросу установки на ракете БЦВМ Челомей произнёс хорошо запомнившуюся фразу:

— Я не понимаю, как может арифмометр, установленный на борту ракеты, ещё увеличить точность стрельбы.

Предложение же ЦНИИмаша относительно необходимости увеличения степени защищённости существующих шахтных стартовых установок ракет УР-100 Владимир Николаевич счёл нереальным и необязательным...

Совещание определило дальнейшую позицию Минобороны и Минобщемаша: они настаивали на разработке ракет УР-100К и были против увеличения степени защищённости построенных стартовых сооружений... В то время ещё не было определено мнение секретаря ЦК КПСС Д.Ф. Устинова и председателя Военно-промышленной комиссии Л.В. Смирнова по возникшему, казалось бы частному, спору ЦНИИмаша с руководством Министерства общего машиностроения и заказчиком — Министерством обороны. Это и был основной вопрос, который породил так называемый спор века.

[...] Институту не удалось получить поддержку Военно-технического совета Министерства обороны... Тогда институт обратился за помощью в ОКБ «Южное» М.К. Янгеля...

[...] Проект ракетного комплекса МР-УР100, выполненный в «Южном», существенным образом деформировал саму суть спора. Таким образом, сформировались два различных направления развития стратегического ракетно-ядерного вооружения. Их идеологами выступили:

мы и КБ «Южное», предлагавшие:

— значительное повышение защищённости построенных стартовых систем ракет УР-100 и Р-36;

— установку в модернизированные стартовые шахтные сооружения ракет нового поколения МР-УР100 и Р-36М с РГЧ ИН и миниметным стартом;

— прекращение, естественно, наращивания пусковых установок РВСН.

ЦКБМ и Минобороны, защищавшие:

— создание ракеты лёгкого класса УР-100К для замены в старых стартовых установках ракеты УР-100;

— разработку нового перспективного стратегического комплекса лёгкого класса УР-100Н с РГЧ ИН и стартовой шахтной установкой повышенной защищённости;

— как следствие, дальнейшее и значительное наращивание численности стратегической ракетной группировки (чтобы чувствовалась её вклад в общую эффективность РВСН).

[...] Институт счёл предложение ЦКБМ и Минобороны неправильным, ослабляющим оборонную мощь РВСН, поскольку на большое дополнительное строительство стойких ракетных комплексов УР-100Н рассчитывать нельзя, и, следовательно, страна, по существу, останется со значительным количеством несовершенных ракетных комплексов старого типа УР-100К.

В связи с этим я решил от лица вверенной мне организации обратиться с докладом к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. В своём докладе я выразил обеспокоенность отсутствием конкретной и точной формулировки оборонной доктрины в части ракетно-ядерного вооружения государства. [...] Кратко обосновал, что только доктрина гарантированного ответного удара возмездия будет сдерживать агрессию и обеспечит стабильность и мир. Показал, что доктрина упреждающего удара по изготовившемуся к нападению агрессору или ответно-встречный ракетный удар не обеспечивают оборону страны и приводят только к взаимному уничтожению конфликтующих государств...

[...] Вскоре решением ВПК была создана государственная межведомственная комиссия под председательством президента Академии наук СССР М.В. Келдыша... Вошёл в комиссию и я как директор ЦНИИмаша, заваривший эту кашу. Работа комиссии проходила в Кремле... В связи с тем что мнение Челомея поддерживали министры обороны и общего машиностроения, расстановка сил определилась сразу...

На одной стороны — послушное большинство, зависящее от этих руководителей... а также большая часть «независимых», склоняющихся перед авторитетом могущественных министерств. На другой стороне — меньшинство, отстаивающее определённую, с нашей точки зрения абсолютно правильную и важную идею. Среди них — М.К. Янгель со своими

смежниками, председатель экспертной комиссии М.В. Келдыш, академик А.П. Александров, я и некоторые другие из тех, кого нам удалось убедить в процессе обсуждения проблемы...

[...] Государственной межведомственной комиссии не удалось подготовить какое-либо подходящее заключение, хотя бы с наличием нескольких особых мнений. Поэтому было решено вынести вопрос на рассмотрение Совета обороны страны...

[...] Совет обороны состоялся в конце июня 1969 года в Крыму на бывшей даче И.В. Сталина близ Ялты. Меня тоже пригласили как одного из авторов доклада на заседании Совета по распоряжению Л.И. Брежнева.

[...] Опять заслушали выступления главных конструкторов, руководителей Министерства обороны и оборонных отраслей промышленности, руководителей научных организаций. Заседание открылось выступлением Челомея. Он убедительно и красочно, в течение полутора часов, излагал и обосновывал свои предложения. Надо отдать Владимиру Николаевичу должное: он всегда чётко, убедительно и легко выражал мысли, причём с большим мастерством и умением приспособивая к пониманию окружающей аудитории. Как мне показалось, Челомей владел вниманием членов Совета обороны и завоевал их симпатию. После Владимира Николаевича выступил Янгель со своим проектом ракеты лёгкого класса МР-УР100 и создания тяжёлого ракетного комплекса Р-36.

Затем началась обильная лавина выступлений военных представителей и других специалистов в пользу предложений Челомея по поводу группировки ракетных комплексов УР-100К и УР-100Н и против проектов Янгеля. Приводилось много графиков, цифр, технически необоснованных соображений... Это впечатление усилилось продолжительным торжествующим взглядом С.А. Афанасьева, обращённым на меня. Выступления А.П. Александрова и М.В. Келдыша, которые говорили без красочных плакатов о необходимости упрочнения построенных шахтных стартовых сооружений и, следовательно, в поддержку проекта ракетного комплекса МР-УР100, мне показались, потонули в общем потоке славолюбия ракетной группировке УР-100К и УР-100Н.

Я терпеливо ждал приглашения к докладу. Однако около 18 часов Брежнев встал и предложил заканчивать прения... Я направился к Леониду Ильичу... Подошёл со спины и, просунув голову между Брежневым и Косыгиным, чётко произнёс:

— Леонид Ильич! **Всё, что тут говорили военные — неправильно.** Всё наоборот. Мне необходимо выступить.

— Юрий Александрович, вам сколько времени надо для выступления?

— Тридцать минут.

— А могли бы вы уложиться в десять минут?

— Конечно, — радостно согласился я, рассчитывая в ответах на вопросы полностью изложить свою точку зрения.

Я быстро развернул плакаты... Изложил основные концепции доктрины сдерживания и то, как в связи с этим должны строиться и развиваться стратегические

ракетные силы. При этом не скупился на критику общих позиций Министерства обороны в части понимания им оборонной доктрины. Рассказал об имеющейся у нас математической модели, чтобы показать серьёзность подхода к проблеме... Из президиума до меня донеслось:

— Кто этот генерал, выступающий против министра обороны?

Мне задавали много вопросов, в том числе о подвижных ракетных комплексах, их роли, о ракетах средней дальности. Я остался доволен своим выступлением и ответами.

После моего выступления встал и попросил слово член Политбюро министр обороны А.А. Гречко, но Брежнев не дал ему слова... Своё заключительное слово Леонид Ильич начал с выражения крайнего недовольства:

— Вопрос не решён до конца. Нельзя было выносить его на Совет обороны с такими разногласиями. Мы за вас не должны решать ваши вопросы. Так не годится. В решении Совета обороны необходимо указать этот факт... в решении необходимо предусмотреть также существенное повышение защищённости существующих шахтных стартовых сооружений, чтобы обеспечить гарантированный ответный удар. Новое поколение стратегических ракет обязательно должно оснащаться РГЧ с индивидуальным наведением боеголовок на цели... Необходимо начать разработку подвижного железнодорожного комплекса.

Я не верил своим ушам. По существу, это были рекомендации ЦНИИмашу, изложенные в докладе. Значит, не напрасно мы обращались к Брежневу. Он открыл зелёный свет работам Янгелю...

После окончания «спора века» авторитет ЦНИИмаша заметно вырос: оказалось, что он не только имеет свою техническую позицию, но и в состоянии отстаивать её в спорах с властями держащими... Мне, естественно, стало сложнее работать...

Однако меня очень радует то, что в институте, несмотря на сложность отношений с министром, среди ведущих учёных и руководителей не было раскола по принципиальным вопросам, являющимся предметом наших разногласий во время «спора века» с С.А. Афанасьевым... Все сотрудники института оказались исключительно порядочными людьми, преданными науке и делу института, которое мы защищали.

Подготовил Б. БЛОХИН,
ветеран НИИ-88/ЦНИИмаш